

*Наталья Простова*

## **«Тени слов» в «вихре метафор»: о трагической невозможности Другого в философской лирике Пауля Селяна**

Гул: это  
Попранная людьми  
Сама истина  
В вихре метафор<sup>1</sup>

Если вначале было Слово, то БЫЛО оно лишь до момента произнесения. Когда слово уже сказано, оно — мертво, оно — «имя, испарившееся со стены, на которую каплет Чудесное»<sup>2</sup>. Исчезла его тайна, истинный смысл имени. Произнесенное, оно навсегда приклеилось к Вещи, перестав быть Словом. Поэтому слово, как это ни парадоксально звучит, не может быть сказано. Или то, что сказано — не «собственно слово», но всего лишь «тень слова»<sup>3</sup>. Тень — сама по себе символ зыбкости, иллюзорности, «ненастоящести», равно как и другие часто мелькающие в лирике Селяна образы вечного движения, неустойчивости: песок, вихрь, колышущееся марево. Другими словами, тень — это замена истинного смысла вещей на его искаженное отражение. Тени слов забором-поленицей окружают орудие их «выкорчевывания» (читай: человека, сколь вечно, столь и тщетно пытающегося пробиться сквозь марево к истине)<sup>4</sup>.

Такой великолепный жонглер словами, как Селян, самой их непонятностью и неуместностью дает понять читателю всю степень их бессмысленности. В «вихре» селяновских метафор не стоит пытаться разглядеть некое художественно зашифрованное сообщение, ибо подобная «шифровка» может иметь бесконечное множество смыслов. Само мышление в значительной степени метафорично, ведь человек мыслит образами. А что он, например, ощущает, произнося вслух слово «песок»? Непостоянность? Зыбкость? Сухость? А может, наоборот, сырость прибрежной отмели? Для одного песок — символ бренности мира, а для другого — конкретная картинка из прошлого... У Селяна это Sandknubbe — песчаная опухоль (нарост, короста), то есть не просто песок, а застывший, статичный песок (что уже само по себе нару-

шает стереотип восприятия символа). Да еще не где-нибудь, а в белесой близи (im weissen Daneben) — снова тема марева... И все это в одном ряду со словами «небрежность» и «боль». Именно их предлагается заменить на более шадящую (так выходит по «контексту») песчаную коросту.. Вряд ли все это просто воспоминания о неудачном отпуске в песчаных дюнах.

Слова вполне можно уподобить такому вот застывшему песку. Ибо они создают барьер, дистанцию между говорящим и его ощущениями, отодвигая последние от реального живого человека с его личными переживаниями в той или иной конкретной ситуации. Но барьер этот — непрочный, как непрочен и сыпуч песок. Его легко разрушить, произнеся Слово вслух, сделав его Сокровенное достоянием всех. Сам факт озвучивания, обнародования предоставляет возможность слушателям стать соучастниками этих переживаний и, следовательно, умаляет степень их истинности. Ведь каждый слушатель самим фактом слушания вносит в услышанное свою индивидуальность, «примеряя на себя» чужие слова, выражающие чужие чувства.

Небрежность и боль  
 Не швыряй ей в лицо.  
 Состряпай  
 Песчаную опухоль  
 В белесой близи<sup>5</sup>.

Здесь важен еще один момент. Сам факт отделения слова от вещи создает новую вещь. Ее создатель — человек, произнесший слово. То есть произнесение слова представляет собой акт Творения, акт божественный. Поэтому любое сказанное слово, с одной стороны, совершенно незначительно, так как все равно не передает истинную сущность уже существующей в мире вещи, но, с другой стороны, необыкновенно значимо, потому что создает новую вещь, уже в чем-то отличную от той, которая была. Другой человек впоследствии назовет ее тем же (и одновременно другим, так как оно будет уже его собственным) словом, и это будет уже третья вещь... И, значит, все вещи и все слова одновременно и были, и есть, и будут.

Перед твоим поздним обликом  
 Единственно —  
 Странствуя между ночами,  
 И меня изменившими,  
 Нечто превращается в То,  
 Что, не соприкасаясь с сознанием,  
 Уже было у нас<sup>6</sup>.

Существует некий универсальный источник — Атлантика, Океан слов-вещей, бесформенная материя, подобная хлебному мякишу, в которой заключены в спящем, непроявленном состоянии зародыши всех пока еще-не-суших вещей и из которой каждый человек черпает свой материал творения, становясь, таким образом, со-творцом универсальному Абсолюту:

Иъеденная бессонницей,  
Лишенная покоя, исхоженная Земля хлеба  
Вздывает Гору жизни.

Из се мякиша  
Лепишь ты наши новые имена,  
Которые я —  
Будто у меня твой глаз  
На каждом из пальцев —  
Нашупываю где-то там.  
Я ими к тебе пробудиться могу,  
Блѣклая  
Свеча голода во рту<sup>7</sup>.

Язык Селяна соединяет несоединимое: «одушевленные» эпитеты с неодушевленными существительными и, наоборот, мертвые орудия с живыми организмами, создавая образы причудливых монстров («кочерыжки рук», «глаза на кончиках пальцев», «нахлобученный череп», «искромсанный глаз» и т.д.). И все это не подаваемые статично, словно в анатомическом театре, объекты, но живущие по каким-то своим неведомым законам существа.

...Оторванное ухо вслушивается,  
Искромсанный глаз  
Правильно все разглядит<sup>8</sup>.

Понимая язык как средство коммуникации, обычно исходят из общепонятности и общедоступности его единиц. Действительно, любое представление об общении предполагает, что используемые в его рамках слова и фразы по возможности одинаково понимаются как говорящим, так и слушающим. Язык же Селяна до конца понятен лишь говорящему, которым в этом «вечно заикающемся мире»<sup>9</sup> может стать каждый. Стихотворные зарисовки Селяна оставляют впечатление безгранично отчаянного одиночества человека — гостя среди других людей.

И все же такое одиночество — не столько приговор, сколько данность, единственно возможная для человека форма существования в этом мире. Показательно употребление Селяном личных местоиме-

ний. Чаще всего мелькают «я» и «ты» («он», «она»), реже — «мы», причем, как правило, в контексте, специально подчеркивающим принципиальную разделенность этого «мы». Эти разъятые вечные селяновские двое соединятся лишь у последней черты, в самом конце существования отдельного «я». Не случайно единственное в заключительном VI разделе цикла «Atemwende» («Смена дыхания») стихотворение посвящено этому соединению, возможному только на последнем рубеже жизни. Когда «я» и «Другой» наконец-то начинают слышать друг друга, голоса их вечного диалога смолкают.

Однажды,  
Там его я слышал,  
Там омывал он Мир,  
Незримо, ночь напролет,  
Все так и было.

Единое и Бесконечное,  
Погибнув,  
Мною стали.

Был Свет. Спасение<sup>10</sup>.

### Примечания

<sup>1</sup> Paul Celan. Gesammelte Werke in sieben Bänden. Zweiter Band. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. S. 89. (Далее: P.Celan. GW. II.).

<sup>2</sup> Celan P. GW. II. S. 349.

<sup>3</sup> Celan P. GW. II. S. 345.

<sup>4</sup> Celan P. GW. II. S. 345.

<sup>5</sup> Celan P. GW. II. S. 352.

<sup>6</sup> Celan P. GW. II. S. 15.

<sup>7</sup> Celan P. GW. II. S. 12.

<sup>8</sup> Celan P. GW. II. S. 19.

<sup>9</sup> Celan P. GW. II. S. 349.

<sup>10</sup> Celan P. GW. II. S. 107.